

— Наденьте на него свадебный наряд! Остальных увести!

Стоило старосте отдать приказ, как толпа жителей хлынула вперёд. Трое дюжих мужчин бесцеремонно взвалили на плечи спутников Нань Цзина, словно мешки с мукой. Юй Аньян, оказавшийся ближе всех, смертельно побледнел от холода. Он не стал тратить силы на бесполезное сопротивление, лишь устремил на Нань Цзина пронзительный взгляд своих тёмных глаз.

Сквозь густые кроны деревьев пробивался тусклый сине-серый свет. Резкий порыв сырого ветра, пахнувший застоявшейся кровью, пронёсся между ними. В глазах Юй Аньяня, обычно высокомерных и ледяных, сейчас бушевала глухая, яростная решимость, смешанная с чем-то едва различимым, но пугающим. Нань Цзину показалось, что из глубины этих зрачков вот-вот вырвется копившаяся годами тёмная злоба. Ещё секунда — и этот мрак поглотит каждого, кто окажется рядом.

Нань Цзин моргнул, и фигура Юй Аньяня скрылась в клубящемся тумане.

Юноша не мог пошевелиться. Ему оставалось лишь безмолвно наблюдать, как к нему подступают деревенские. Один из них грубо вырвал у него чёрный рюкзак и выбросил складной нож.

Под причитания и указания Свахи крестьяне бесцеремонно содрали с юноши чёрный свитер и набросили на него ярко-красное свадебное платье с широкими рукавами. Ткань, багровая, словно свежая кровь, неприятно скользила по телу. На груди золотыми и серебряными нитями был вышит традиционный узор с драконом и фениксом. Наряд оказался ледяным, склизким и облегающим, напоминая чужую кожу.

Нань Цзин невольно вздрогнул, плечи его задрожали от этого прикосновения.

Вскоре его заставили надеть юбку. Пояс затянули так туго, что у юноши перехватило дыхание. Несмотря на его худощавое телосложение, юбка оказалась мала и больно впилась в рёбра. К тому же подол едва доходил до щиколоток, обнажая тонкие, бледные лодыжки.

— Голые щиколотки — к несчастью! — недовольно прохрипела Сваха. Лицо её исказила гримаса. Она протянула деревенским длинную алую ленту: — Не смейте вязать его пеньковой верёвкой. Используйте этот красный шёлк!

На ноги Нань Цзина натянули парчовые туфли, а на голову набросили плотное красное покрывало. Мир перед глазами юноши мгновенно окрасился в багровые тона, лишая его возможности видеть.

Двое крепких мужиков перехватили его за руки и ноги. Взяв шёлковую ленту у Свахи, они натужно и туго стянули запястья и лодыжки Нань Цзина, завязав её мёртвым узлом.

Озноб сковал тело. Красный наряд словно вытягивал из него последнее тепло. Юноша попытался незаметно пошевелить кистями, но путы держали крепко.

Двое крестьян подхватили Нань Цзина под мышки и колени. Сваха, неестественно извиваясь всем телом, принялась разбрасывать бумажные цветы, которые забирала из корзин прислужников. Приплясывая и семеня на цыпочках, она повела процессию к деревне.

— Час настал! Несите подношение к гробу!

Оглушительно завывали соны. Процессия двинулась вперёд. Нань Цзина несли во главе толпы. Слева от него вышагивал староста, чьё лицо медленно покрывалось шевелящимися чёрными трупными пятнами, справа семенила Сваха. Позади, тяжело стуча сапогами, шли те, кто тащил Юй Аньяня и остальных.

Сквозь тонкую ткань покрывала Нань Цзин пытался разобрать дорогу. Похоже, его несли обратно в ту самую пагоду, похожую на буддийский храм. В нос ударил тяжёлый, удушливый запах благовоний и пепла — тот самый, что преследовал его всю прошлую ночь.

Они поднялись на второй этаж, но шаги носильщиков не замедлились.

Раздался знакомый скрип половиц.

Нань Цзина несли на таинственный третий этаж — туда, откуда прошлой ночью спускалась женщина в белом.

Тяжёлый засов с грохотом отодвинулся, и деревянные двери распахнулись.

Юношу бесцеремонно швырнули на пол. От удара о твёрдые доски из его груди вырвался глухой стон. Лодыжка задела что-то массивное и холодное. Прежде чем он успел сориентироваться, дверь за его спиной с глухим стуком захлопнулась.

В комнате царил полумрак, сквозь плотное покрывало пробивались лишь крошечные щели блёклого света. Воздух здесь был пропитан густым, смолистым ароматом дорогого дерева, смешанным с резким, ядовитым запахом свежего лака. Этот химический дух заставил Нань Цзина внутренне сжаться. В памяти мгновенно всплыли слова старосты о гробе.

Связанные шёлковой лентой руки покоились на груди. Нань Цзин попытался сесть, преодолевая слабость. Ноги, стянутые у щиколоток, почти не слушались.

Вдруг по комнате пронёсся ледяной сквозняк, принёсший с собой запах гниющей плоти.

Сердце юноши пропустило удар. Он отчётливо почувствовал, как чьи-то холодные, склизкие

пальцы коснулись его запястья и медленно, с влажным скольжением, поползли вверх по предплечью...

Тем временем Юй Аньяня и его спутников швырнули, словно мешки с мусором, на земляной пол в главном зале первого этажа. Деревенские небрежно бросили их рюкзаки рядом.

Юй Аньянь зашелся в сухом, надрывном кашле. Внутри здания было немного теплее. С трудом размяв затекшие пальцы, он поднял голову и устремил ледяной взгляд на лестницу, по которой только что унесли Нань Цзина в багровом одеянии.

Когда крестьяне спустились обратно, Нань Цзина среди них уже не было.

Староста подошел к пленникам. В полумраке его фигура казалась зловещим силуэтом, а в мутных, полуприкрытых веках читалась первобытная жестокость.

— Вы трое понесёте гроб, — прохрипел он. — Завтра великое жертвоприношение. До начала обряда никто из вас не покинет этот дом.

Староста оскалился, и чёрные пятна на его лице зашевелились быстрее.

— Попробуете бежать — пеняйте на себя. Смерть будет долгой.

Дверь первого этажа захлопнулась, оставив их в темноте. Шаги крестьян снаружи начали затихать, но вскоре сменились другим, более тяжёлым и ритмичным шарканьем прямо у входа.

Оператор, скрючившись на полу, захлёбывался слезами и соплями. Дикий ужас парализовал его разум. Взглянув на щель под дверь, он замер: там виднелись две пары ступней. Кто-то сторожил выход. Но пятки этих ног были повернуты внутрь дома.

Ли Ифэй, едва к нему вернулась способность двигаться, лихорадочно вытащил из кармана телефон. На экране слабо мерцали деления почти разряженной батареи. Он судорожно пытался поймать сеть, уставившись в экран, где когда-то красовалась цифра в двадцать пять миллионов подписчиков.

— Я выберусь... Меня спасут... У меня миллионы фанатов, я звезда, я не могу здесь сдохнуть, просто не могу... — бормотал он, теряя рассудок.

Через пару минут он окончательно сломался. С диким воплем Ли Ифэй бросился к двери, надеясь вышибить её. Но когда он подбежал, те двое стражников, чьи пятки были повернуты к выходу, медленно повернули головы.

Их шеи с сухим треском провернулись на сто восемьдесят градусов. Изуродованные лица с застывшими ухмылками уставились прямо на Ли Ифэя, а в синюшных руках блеснули тяжёлые мясницкие тесаки.

Ли Ифэй с визгом отпрянул назад и забился в самый угол зала.

Юй Аньянь сел на колени возле своего рюкзака. Все его мысли крутились вокруг предстоящего ритуала.

Перед поездкой в деревню Одинокого Дракона режиссёр заказывал подробный отчёт об этом месте. Тогда его интересовала исключительно мрачная, аутентичная атмосфера для съёмок, и историческую справку он проглядел мельком.

Но теперь ситуация изменилась. Если эти безумцы готовы принести в жертву живого человека, завтрашняя бойня превзойдёт любые кошмары.

Папка с документами лежала на дне рюкзака. Юй Аньянь вытащил увесистую пачку листов формата А4. Пролистав фотографии пейзажей, он вчитался в мелкий машинописный текст, скользя глазами по строчкам.

На последних страницах его внимание привлекла старая газетная вырезка, бережно вклеенная ассистентом.

«Утренняя газета Одинокого Дракона, 12 июня 2018 года. Нашей полиции удалось предотвратить жестокое убийство в деревне Одинокого Дракона. По предварительным данным, местный житель Ван Моу подозревается в торговле людьми ради проведения подпольных оккультных обрядов. Он планировал заживо похоронить похищенную девушку по имени Сяо Мэй, выдав её замуж за покойника. Жертва получила тяжёлые ранения брюшной полости, но сейчас её жизнь вне опасности, она находится под наблюдением врачей».

Заметка была короткой. События происходили три года назад. Значит, их обряд тогда сорвался.

«Они не смогли довести дело до конца три года назад, и теперь решили повторить?» — Юй Аньянь нахмурился и перевернул страницу. В самом конце был выделен абзац, посвящённый местным верованиям.

«Согласно исследованиям этнографов, старожилы деревни верят: если принести в жертву человека с тёмной, несчастливой судьбой, обвенчав его с местным божеством, а затем предать смерти троих носильщиков гроба, это принесёт деревне вечное процветание и богатство».

Дикая, дремучая глупость. Юй Аньянь захлопнул папку. В его глазах застыл холодный расчёт. Он повернулся к своим спутникам, которые выглядели как ходячие трупы.

Режиссёр бросил папку прямо перед ними. Отчётливый хлопок бумаги заставил их вздрогнуть.

— Нас собираются убить, — ровным, безэмоциональным голосом произнёс Юй Аньянь. — Жертва погибнет, а носильщиков гроба пустят под нож вслед за ней. Сидеть здесь и ждать смерти на втором этаже — безумие. Мы идём на третий. Нам нужно найти Нань Цзина, выяснить детали этого чертова ритуала и найти лазейку.

Оператор, всё ещё пребывавший в полуобморочном состоянии после утреннего кошмара с белой женщиной и гибели Сяо Чэня, затрясся всем телом:

— Нет! Ни за что! Староста ясно сказал: на третий этаж соваться нельзя!

Он с надеждой зашептал, ломая пальцы:

— Нань Цзина уже выбрали для ритуала. Его смерть подарит нам лишний день жизни. Он жертвует собой ради нас, понимаете? Нань Цзин сам бы не захотел, чтобы мы рисковали! Давайте дождёмся утра, а там что-нибудь придумаем...

Юй Аньянь криво усмехнулся. В его взгляде, скользнувшем по лицу оператора, сквозило такое презрение, что тот мгновенно замолчал, не смея издать ни звука.

Ли Ифэй отреагировал куда агрессивнее. На его лице проступила уродливая маска животного страха:

— На третий этаж?! Юй Аньянь, ты в своём уме? Ты тащишь нас на убой! Хочешь спасти своего ненаглядного Нань Цзина — валяй, иди один! Не надо прикрываться заботой о нас! Мы никуда не пойдём!

Юй Аньянь медленно поднялся. Его авторитет и ледяная аура всегда подавляли Ли Ифэя, и тот невольно попятился. Но паника оказалась сильнее подчинения.

— Носильщиков должно быть трое, — отрезал режиссёр. — Без совместных действий мы трупы. Наверху у нас есть хотя бы призрачный шанс.

— Я не пойду! — взвизгнул Ли Ифэй. Давняя зависть и накопившаяся злоба вырвались наружу. Он бросился на Юй Аньяня, пытаясь вцепиться ему в горло: — Это из-за тебя мы здесь! Из-за твоего дурацкого фильма! Иди и сдыхай вместе со своим дружкой!

Юй Аньянь даже не поморщился. Уклонившись от неловкого выпада, он перехватил руку Ли Ифэя.

Движение было быстрым и точным. Режиссёр рванул Ли Ифэя за шиворот, прижал к полу и,

выхватив из внутреннего кармана плаща острые монтажные ножницы, с размаху вогнал их прямо в его ладонь.

Зал огласил пронзительный, полный боли вопль. Металл пробил плоть насквозь, пригвоздив руку Ли Ифэя к деревянным доскам. Из глаз и носа парня брызнули слёзы и сопли, он забился в истерике.

— Ифэй, ты, кажется, до сих пор не понял, с кем имеешь дело, — тихо, почти ласково проговорил Юй Аньянь. Рука его, сжимавшая ножницы, даже не дрогнула. — Мне плевать, в каком состоянии ты поднимешься на третий этаж — живым или в виде послушного трупа. Выбирай сам: либо ты идёшь со мной, либо остаёшься здесь навсегда.

<http://bllate.org/book/19041/1917909>